

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
29 (92)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ

Уважаемые читатели!
В связи с тем,
что „Палестинский сборник“,
вып. 29 был издан в 1984 г. в Горьком,
просим считать настоящий сборник
выпуском 29 (92) —
Редакционный совет РПО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ХЕРСОНЕСА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV-VI В.

Херсонес конца IV—начала VI в. во многом является для исследователей *terra incognita*. Скучность письменных источников, отсутствие четко выраженных археологических слоев и разработок отдельных групп археологического материала, слабая изученность строительных приемов и техники кладки зданий и оборонительных стен — все это весьма затрудняет изучение истории города в указанный период¹. Согласно существующим точкам зрения, Херсонес в V в. лежал почти весь в руинах и находился в состоянии глубокого упадка². Упадок этот, опять-таки по бытующим мнениям, был вызван разгромом города гуннами, причем, по одной версии, сам город был разорен гуннами, о чем свидетельствуют следы пожара конца IV в.; по другой³, — гунны обошли Херсонес, город остался в стороне от их основного пути, но ими была разорена округа Херсонеса, что и привело к захирению города. В этот период замирает торговля, прекращается строительство. Многочисленные же культовые постройки, выявленные в Херсонесе в результате многолетних раскопок, и прежде всего базилики часть исследователей относят к эпохе Юстиниана, другие же — к X в. Но более распространена первая точка зрения, согласно которой массовое строительство культовых зданий падает в основном на эпоху Юстиниана.

И последняя дата — VI век, эпоха Юстиниана I — едва ли может быть признана окончательной, тем более что бесспорных данных о строительстве базилик в Херсонесе именно при Юстиниане I нет. Но имеются прямые указания в письменных источниках на то, что в IV в. в Херсонесе христианские храмы уже строились. Не менее важными являются и данные источников о существовании в Херсонесе начиная с 20-х гг. IV в. самостоятельной епископской кафедры. Этот факт засвидетельствован как сообщениями житий херсонесских святых, так и подписями херсонесских епископов на I и II Вселенских соборах. Все это данные в пользу храмового христианского строительства в Херсонесе в IV в. н.э.

Не менее важным является вопрос, кто и как строил храмы и базилики, в частности на какие средства. В настоящее время в литературе есть однозначный ответ на этот вопрос: храмы строились в Херсонесе византийскими императорами, в основном Юстинианом I, на государственные средства, их строительство является определенной государственной политикой византийских императоров, имеющей целью насильственную христианизацию херсонесского и окружающего город населения и как следствие ее — византинизацию этого населения. Но такая точка зрения вряд ли может быть признана верно передающей характер и суть тех социальных и экономических явлений, которые происходили в жизни ранневизантийского общества. Точка зрения А.Л. Якобсона не основана на конкретных источниках, найденных в Херсонесе⁴. Им оставлена без внимания группа кратких греческих надписей, имеющая самое непосредственное отношение к проблеме. Рассмотрим их и вопрос о строительстве базилик в Херсонесе как явления социальной жизни города. Этот аспект представляется особенно интересным еще и потому, что мало известно о характере строительства храмов в Херсонесе римского времени, так же как о его государственном, административном и социальном строе. По этим вопросам имеются лишь самые общие суждения, основанные, скорее, на аналогиях и общих положениях, чем на анализе конкретных источников.

Тем более важны конкретные данные о переходной эпохе IV-VI вв., когда античная городская социальная организация трансформируется в византийскую. Вряд ли, конечно, исследуемые краткие надписи раскроют этот процесс полностью, но новый и весьма существенный штрих их анализ даст.

Почти все надписи были найдены в Херсонесе еще в дореволюционные годы и введены в научный оборот в конце прошлого века В.В. Латышевым⁵. С тех пор эти надписи практически не привлекались для изучения Херсонеса. Хотя надписи и сохранились очень отрывочно, но, на наш взгляд, могут дать весьма ценные сведения по организации строительства в городе в V-VI вв. общественных зданий.

Все надписи найдены в разные годы на разных участках Херсонесского городища. Сначала они издавались в поврежденных изданиях, а потом вошли в сборник, подготовленный В.В. Латышевым⁶. Исключение составляют надписи, найденные после издания сборника. Все они исполнены на разных материалах (мозаика, мрамор, известняк). Объединить их в одну группу позволяют две особенности: во-первых, начало надписей, представляющее одну твердую формулу, во-вторых, то, что все они исполнены на предметах, которые являлись частью интерьера христианского храма.

Здесь надписи предполагается рассмотреть лишь с точки зрения их содержания, формулы и вытекающих из этих аспектов выводов по социальной жизни города.

1. Надпись в мозаичном полу, происходящем из южного нефа Уваровской базилики. Часть мозаики вместе с надписью была перевезена в 50-е гг. XIX в. в Петербург и помещена в один из залов Эрмитажа, где и находится в настоящее время. „Надпись занимает собою продолговатый прямоугольник, имеющий в длину 17,5 см и в ширину 69 см; он обведен двойной рамкой из квадратных камешков; наружная кайма - черного цвета, а внутренняя - темно-красного; буквы надписи вышиною 3,7 см сделаны из черных, большую часть квадратных камешков на фоне из таких же камешков белого цвета ... Надпись, как мы видим, вполне правильна, и только неудачное исполнение букв ΨN в строке 2-ой мешает назвать ее безукоризненно. Вот ее транскрипция:

‘Τ π è ρ ε ù χ η̃ς Μ á λ χ ο | υ
καὶ πάντων τ (ώ)ν δι-
αφερόντων αὐτοῦ +

„О молитве за Малха и всех сродников его“⁷.

2. „Две мраморные плиты, по-видимому от алтарной преграды, разбитые одна на три, а другая на четыре куска, с изображением четырехконечных крестов обычной в византийские времена (IV-IX вв.) формы с расширяющимися перекрестьями и удлиненным нижним концом, с надписями по обеим сторонам верхней половины вертикальной полосы. Найдены в Херсонесе при раскопках, производившихся в конце 70-х годов Одесским Обществом ист. и древностей. Изд. В.Н. Юргевич в Зап. Од. Общ. т. XI (1879 г.): на стр. 8, № IV по весьма неточной копии, подавшей повод к неверному восстановлению надписи, и на стр. 313 по более верному снимку, присланному А.В. Ивановым. Списаны нами в 1888 г. в Херсонисском монастырском музее.

Обе надписи содержат совершенно тождественный текст: ‘Τ π è ρ ε ù χ η̃ς Μ α ρ τ υ ρ ί ο υ καὶ πάντων τ (ώ)ν διαφερόντων αὐτοῦ (в αὐτῷ), т.е. „О молитве за Мартирия и всех сродников его“⁸.

3. „Обломок плиты 53x27x6,7 см. Уцелела верхняя часть рельефно высеченного креста, а сверху и с правой стороны части плоского бордюра с грубо вырезанными листиками и розеткой, расположенной над крестом. (Описание г. Косцюшко-Валожинича). Найден весной 1893 г. во вновь раскопанном храме на обрыве северного берега, близ «Уваровской базилики». Изд. мною в Мат. по арх. России № 17, стр. 24 № 29 [‘Τ π] è ρ ε ù χ η̃ς (ς) [Θ ε ο] δ ώ ρ ο υ ...”

4. „Обломок карниза 49 см длины. Ширина полосы с надписью 6,68 см. Как видно, подобные карнизы с надписями в храмах были не редки“. Найден весной 1893 г. там же, где предыдущий обломок. Буквы не особенно крупны (около 0,02 м), но толсты и глубоко врезаны. Изд. мною в Мат. по арх. России № 17, стр. 24, № 30.

+ Ἰπέρ σωτηρίας κ [αἰ...]

5. Кусок мраморного карниза, со всех сторон обломанный, выш. 0,035 м, шир. 0,18. Сохранившиеся буквы неравной величины (выш. 0,017–0,022 м) врезаются глубоко и прекрасно читаются на эстампаже. Обломок найден летом 1891 г. Издан мною в *Мат. по арх. России* № 9 (СПб., 1892), стр. 36, № 28.

... Μιχ] ἀηλ Ἰπέρ ...

Обломок, по-видимому, происходит от записи о посвящении какого-нибудь предмета в храм, сделанном неким Михаилом за кого-либо из его близких.

В *Inscr. orae sept. Ponti Eux. v. I p. 187 ad* № 191 нами была указана вкратце судьба нескольких херсонисских памятников, доставленных в 1872 г. в Москву на политехническую выставку, и затем под №№ 191, 196, 202, 211, 214, 216, 217, 220, 221, 224, 233, 234 и 238 изданы те из них, которые относятся к дохристианским временам, преимущественно по копиям проф. Н.П. Кондакова, любезно предоставленным им в мое пользование. Остальные три фрагмента надписей, копии которых нашлись в бумагах Н.П. Кондакова, помещаются здесь, как относящиеся ко временам византийским".

6. „Фрагмент фризовой надписи по карнизу“.

ΕΡΕΨ Χ Η Σ Ε Ψ Ε

Следует восстановить: [Ἰπ]έρ εὐχῆς Εὐε...

7. „Фрагмент круглой решетки по рисунку из кругов и городков по кайме. По городкам надпись из букв Ἰ Π Ε Ρ Α Φ Ε Σ Ω Σ Α и изображение креста“.

Следует читать: Ἰπέρ ἀφῆσ (ε) ως φ[μαρτιῶν] κτλ.

8. „Внутри храма (имеется в виду загородный крестообразный храм. – С.Б.) при раскопках найдено 138 кусков и осколков от намеренно раздробленной, очень большой мраморной базы, спереди полукруглой, сзади срезанной для прислонения к стене, превосходно полированной с художественно исполненным, сильно выпуклым профилем. На лицевой стороне у верхнего края, по гладкой полосе в 0,045 м ширины, шла глубоко и старательно вырезанная греческая надпись ранневизантийской эпохи, от которой сохранилось 12 кусков.“⁹ К этому месту отчета напечатан комментарий В.В. Латышева по поводу надписи: „Из этих 12 кусков 8 удалось расположить в порядке. Они дают следующий текст: [Ἰπ]έρ [εὐ]χῆ [ς...] καὶ τ[... καὶ] παυ[τῶν] τῶν διαφερόντων υἱὸν [τ]ο[ῖς]. Для остальных четырех кусков трудно указать точное место, хотя, несомненно, что они относятся к той же надписи. На одном из них записана, очевидно, дата, от которой сохранились два знака с цифровым значением 99“¹⁰.

9. „Фрагмент однострочной надписи на передней стороне мраморного карниза от какой-то постройки. Высота карниза 15,5 см, ширина по верхней поверхности 25,5 см, длина фрагмента 28 см, ширина полосы карниза, на которой надпись, 5 см, буквы высотой 3,7–4 см врезаются тщательно. Найден на полу часовни в с.-в. части городища перед с.-в. базиликой. По инвентарю № 5003(08) (полевой номер)“.

εὐχῆς τ[οσ...]

Надпись принадлежит христианскому времени и, очевидно, указывала, что здание, которому принадлежал карниз, построено «по обету какого-то». Этим зданием и была, может быть, та часовня, в которой найден карниз, хотя надпись, судя по письму, значительно древнее постройки, которая должна принадлежать поздневизантийскому времени“¹¹.

Р.Х. Лепер восстанавливает перед словом εὐχῆς предлог ἐξ, хотя на самом деле ни единой черточки от какой-либо буквы не сохранилось. Здесь без сомнения стояло Ἰπέρ. Автор – первый и единственный исследователь, который определил надпись как донаторскую.

10. „Плита из известняка. Случайно обнаружена в стене Уваровской базилики, справа от входа (Архив ГХМ, д. 8, л. 45; д. 28, опись находок за 1899 г., л. 3, № 167). ГХМ, инв. 35 054. Камень подтесан со всех сторон, на лицевой стороне имеется ряд выбоин. Размеры: высота 13 см, ширина 21,5 см, толщина 13 см. Вдоль верхнего края расположена однострочная надпись, вырезанная довольно небрежно. Высота букв 2,5–3 см.“

От первой буквы сохранились две горизонтальные черточки, вероятно от ϵ .

По характеру шрифта (формам А, Р, Е, N, Y) надпись можно датировать позднеримским или раннесредневековым временем. $\epsilon \dot{\upsilon} \chi \eta \varsigma \chi \acute{\alpha} \rho \iota \nu$ Перевод: по обету ... Ср. надпись на мраморном карнизе, датированную Р.Х. Лепером христианским временем и восстановленную как ... $\epsilon \xi$ $\epsilon \dot{\upsilon} \chi \eta \varsigma \tau$ [$\acute{\omicron} \nu$ ... <по обету такого-то>] (построено это здание).

Возможно, и данный камень находился в какой-то постройке, а затем был использован в Уваровской базилике. На соседних камнях могло быть продолжение надписи с указанием имени, как и на мраморном карнизе¹².

Вполне возможно, что надпись относится к самой Уваровской базилике.

Итак, известно, насколько удалось установить, десять надписей, нанесенных на элементы интерьера и содержащих формулу $\dot{\upsilon} \pi \acute{\epsilon} \rho \epsilon \dot{\upsilon} \chi \eta \varsigma$. Обращает внимание многообразие форм архитектурного интерьера, где есть эти надписи. Это и мозаичный пол (№ 1), и колонна или пилястр (№ 8), карниз (№ 5), плиты алтарной преграды (№ 2) и т.д. Известно происхождение следующих надписей: Уваровская базилика (№ 1), загородный храм (№ 8), северная базилика (№ 3 и 4, храм № 22).

Оба отмеченных обстоятельства имеют большое значение для осмысления текста надписей.

В.В. Латышев в целом датировал надписи IV–VI вв. Время создания надписи на мозаике из Уваровской базилики он связал со временем создания мозаики в целом. Опираясь на мнение А.Л. Бертье-Делагарда, В.В. Латышев вслед за ним датировал и мозаику, и надпись на ней X в.¹³ Надпись из крестообразного храма он отнес к раннехристианской эпохе¹⁴, причем из контекста можно понять, что все подобные надписи автор датирует этим же временем.

Оставляя пока в стороне вопрос об их дате, отметим, что все надписи из других регионов Империи, которые привлекаются в этой статье в качестве аналогий, относятся к IV–VI вв., причем многие из них, особенно сирийские, не говоря уже о латинских из Рима, содержат дату с указанием года. Поэтому херсонесские надписи, вероятнее всего, не выходят за указанные хронологические рамки.

Все надписи примерно одного и того же времени, о чем можно судить как по однородности формулы, так и по палеографическим данным. Единственным исключением может являться № 4, где вместо $\eta \epsilon \dot{\upsilon} \chi \eta$ употреблено $\eta \sigma \omega \tau \eta \rho \acute{\iota} \alpha$. Тот факт, что это слово очень часто встречается в надписях, посвященных императору и поставленных за его здоровье и благополучие, может вызвать некоторое сомнение в принадлежности ее к раннехристианской эпохе, но оно встречается и в христианских культовых посвящениях. Фрагментарность надписи и самого обломка не дает возможности получить в настоящее время однозначный ответ.

Как видно из приведенных текстов, их перевод очень прост, равно как и состав формулы. Текст состоит из предлога $\dot{\upsilon} \pi \acute{\epsilon} \rho$ с генитивом, слов $\epsilon \dot{\upsilon} \chi \eta$ или $\eta \sigma \omega \tau \eta \rho \acute{\iota} \alpha$, за которым следует имя собственное также в генитиве. В.В. Латышев переводит обычно эту формулу «О молитве за такого-то». Французские исследователи предпочитают другой перевод – «по обету за такого-то»¹⁵ (ex voto). Представляется, что целесообразнее сохранить перевод В.В. Латышева, который, на наш взгляд, более точно передает внутренний смысл того акта, который выражается в формуле надписи и подчеркивает его своеобразие в связи с распространением христианства, и уже введен в обиход в научной литературе.¹⁶

Рассматриваемые херсонесские надписи являются лишь незначительной частью надписей с такой формулой, которые распространены по всей территории Империи. Они известны в Греции, на островах в Малой Азии, но больше всего их было найдено в Сирии¹⁷.

Формула возникла, по-видимому, в первые века нашей эры и получила широкое распространение во II–III вв. Чаще всего она встречается в восточных провинциях Римской империи, почти исключительно в надписях, посвященных императору, являясь переводом на греческий язык латинской формулы pro salute.¹⁸ В этих надписях к словам $\eta \epsilon \dot{\upsilon} \chi \eta$ и $\eta \sigma \omega \tau \eta \rho \acute{\iota} \alpha$ часто добавлены $\eta \tau \acute{\upsilon} \chi \eta$ и $\eta \nu \acute{\iota} \kappa \eta$. Как показал Л. Робер¹⁹, с купцовыми постройками эта формула

была связана на почве иудейской религии (в синагогах) и оттуда перешла в раннехристианскую практику и эпиграфику.

Суть надписей с такой формулой заключается в следующем: некое лицо, или группа лиц, или целая община приносят в дар Богу за своих живых, а иногда и умерших близких тот предмет, на котором нанесена надпись. Абсолютное большинство известных надписей этого типа встречается на мозаиках, арках, мраморных частях интерьера базилик и т.д. Но в данном случае важно отметить то обстоятельство, что эти пожертвованные божеству предметы являлись не просто единичными вещами, незначительными предметами, а частью архитектурного комплекса храма, его одним из необходимых элементов, без которого не было бы полного архитектурного ансамбля. В самом деле, без мозаичного пола, без алтарной преграды нет интерьера. И в таком случае жертвователем является соучастником строительства храма, беря на себя часть расходов по его возведению. Иными словами, одно лицо, или группа лиц, например семья, или целая община становились „пайщиками“ в строительстве церкви посредством изготовления отдельных ее частей или внесения суммы денег, необходимых для изготовления отдельных элементов этого дорогостоящего архитектурного комплекса. При этом они увековечивали свои имена в надписях, которые помещались на самых видных местах, чтобы напоминать всем проходящим о своем участии в создании церкви. Есть примеры, когда мозаичный пол в одной части базилики выполнен за счет двух лиц.²⁰ В конечном итоге получалось, что почти вся базилика, во всяком случае многие части ее интерьера, сооружалась на средства жертвователей, донаторов и являлась коллективным строением.

В этом нет ничего необычного. Принцип участия частных лиц в украшении города, особенно в сооружении культовых построек, — одна из основных особенностей быта римского города. Во всех частях Империи, о чем свидетельствуют надписи, сооружалось бесчисленное количество храмов, ставились алтари и жертвенники, статуи различным богам *pro sua pecunia*.

В IV-V вв. н.э., когда христианство стало господствующей и государственной религией, в положении городов в Империи хотя и произошли большие изменения, но все же не такие, чтобы полностью изменить их структуру и устройство. Усилился контроль государственной власти, появились *curatores rei publicae*, осуществлявшие этот контроль, некогда добровольные *munera* превращались в принудительные обязанности, происходил процесс прикрепления декурионов к своему родному городу и т.д. Но основные элементы устройства городов и их управления, принципы собственности и хозяйственной деятельности остались на довольно продолжительное время, поэтому, когда возникла потребность в сооружении новых храмов, продолжала действовать старая традиция.

Кто же конкретно строил здания, необходимые для нужд новой религии? Строили их императоры. Но такие случаи были редки и касались в основном крупных храмов в столицах или в особо памятных местах, например Латеранская базилика и базилика св. Петра в Риме, церковь на месте погребения Христа в Иерусалиме и Рождественская базилика в Вифлееме, построенные императором Константином²¹, или базилика „Петра в оковах“ (*S. Petri in vinculis*), построенная императрицей Евдокией в Риме²². Здесь императоры и члены императорского дома выступают как частные лица, а не как представители государственной власти.

Строили базилики римские папы, епископы, священники, как о том свидетельствуют надписи. У нас нет точных данных о том, как в каждом конкретном случае осуществлялось финансирование этого строительства. По-видимому, нужно проводить различие между церковью, построенной в „вечном городе“ римским первосвященником явно за счет церковных средств, и незначительной частью мозаичного пола, сооруженного скромным сельским пресвитером. В последнем случае пресвитер явно выступает как частное лицо и, по-видимому, вкладывает свои личные деньги. В некоторых латинских надписях стоят слова „*ex voto, solvit*“, бесспорно свидетельствующие о вложении в строительство своих денег.²³

Но чаще всего церкви или целиком, или частично строили частные лица, вкладывая свой пай, как о том говорят надписи²⁴. Иногда это люди, занимающие высокие государственные посты²⁵, но чаще всего должности не указываются и можно думать, что донаторы — простые люди, мелкие собственники или ремеслен-

ники, или же мелкие чиновники. Они не могли на свои деньги построить целиком базилику, поэтому каждый давал деньги или сооружал сам какую-либо ее часть — арку у абсиды, двери, часть алтарной преграды, мозаичный пол или его фрагмент. В таких случаях можно говорить о строительстве базилик вскладчину. Принимала ли участие в таком строительстве муниципия, если речь идет о городе, или община, если речь идет о деревне, неизвестно, но полностью исключить его нельзя. Каких-либо государственных актов, возводящих вопрос о строительстве христианских храмов в акт государственной политики в IV—VI вв., регулирующих это строительство или регламентирующих его, не сохранилось. Другое дело, что вопрос о строительстве в целом решался, безусловно, с участием местных городских властей, ибо, кроме финансовой стороны, имелись еще и другие: выделение участка на городской территории и возможное в связи с новым строительством разрушение старых зданий, обеспечение строительными материалами и т.д. Но, к сожалению, многие детали этих проблем пока остаются не совсем ясными²⁶.

Но обратимся снова к херсонесским надписям. Тот факт, что херсонесские надписи не являются изолированными, а представляют лишь незначительную часть большой категории надписей, распространенных по всей территории Византийского государства, частью которого являлся Херсонес, не оставляет никакого сомнения в том, что они выражают те же социальные и экономические явления, которые переданы в надписях, найденных в других частях Империи. Знаменательно и то обстоятельство, что их текст точно совпадает с текстом надписей, найденных в грекоязычных областях Империи²⁷. Следовательно, наличие подобных надписей в херсонесских церквях приводит к выводу, что и они, подобно таким же постройкам в других местах, возводились за счет отдельных сограждан, причем, по-видимому, не очень богатых и не очень знатных, так как обнаруженные в Херсонесе надписи нанесены на отдельные, даже не очень дорогие детали: плиты алтарной преграды, карнизы, мозаики. Трудно, конечно, на основании этих кратких надписей восстановить во всех аспектах (организационном, материальном, финансовом и т.д.) процесс создания культовых монументальных зданий в ранне-средневековом Херсонесе. Надписи эти свидетельствуют лишь об одном — о материальном участии частных лиц в создании таких построек. Возможно, что, как и в других крупных городах Империи, Херсонес в церковном отношении был поделен по территориальному признаку на округа, в каждом округе была главная церковь и несколько обычных (в отдельных кварталах). В таком случае вероятно, что каждая из них создавалась или целиком, или частично на средства жителей квартала или кварталов.

Основная ценность этих фрагментарных херсонесских надписей и состоит в том, что они показывают, что и после смены религии, после важных политических изменений организация социальной жизни в основном сохранилась и жители городов продолжали строить *pro sua rescunia* христианские храмы так же, как раньше они строили языческие.

В связи с полученными результатами исследования нельзя пройти мимо точки зрения А.Л. Якобсона по этому вопросу. По его мнению, строительство христианских храмов в Херсонесе велось по инициативе Византийского правительства и за его счет. „Во времена Юстиниана, — пишет А.Л. Якобсон, — повсеместная пропаганда христианства во всех концах громадной Империи проводилась особенно энергично соответственно всей государственной доктрине того времени. Приобщение зависимого населения к господствующей религии феодализировавшегося общества стало одной из наиболее важных политических задач Византии в Таврике. Эта политика насаждения христианства повсеместно вызывала необходимость широкого строительства храмов, что требовало, как и крепостное строительство, больших материальных затрат со стороны византийского правительства, на которые Юстиниан видно не скупился. То же имело место и в Таврике“²⁸. „Все многочисленные базилики, — пишет далее автор, — большей частью однотипны и, если можно так выразиться, стандартны. Но именно это обстоятельство лишний раз говорит, что не местная инициатива лежала в основе храмового строительства (она неминуемо привела бы к большому разнообразию форм, как это наблюдается позднее); здесь сказалось общее руководство, осуществлявшееся центральной властью, которая требовала массовой постройки храма и финансировала ее“²⁹.

Как уже было отмечено, пока нет данных о том, что сооружение культовых христианских зданий в Византийской империи регламентировалось бы какими-то общегосударственными узаконениями, и, на наш взгляд, у А.Л. Якобсона нет никаких оснований предполагать, что Херсонес и Таврика являлись исключениями. Более того, именно херсонесский материал дает свидетельства, что такое строительство велось за счет местных средств. Придется сделать небольшой экскурс в историю города.

Документально известно, что, начиная с Диоклетиана и Константина I, в Херсонесе находились императорские военные отряды, равно как и чиновники, ведавшие сбором налогов и таможенных сборов. Несомненно и то, что еще в VIII в. в городе сохранялась местная городская администрация во главе с протевомом, что не позволяет сомневаться в том, что она была и в V-VI вв. Пока рано говорить о детальном разграничении императорских чиновников и городского самоуправления, но вряд ли будет ошибкой вывод, что чиновники ведали сбором денег, подлежащих отправке в казну, а городские власти — на нужды города, в том числе, по-видимому, и на городское строительство. В этой связи особый интерес представляют надписи IV-V вв. о строительстве крепостных сооружений в Херсонесе и сообщение Константина Багрянородного о нахождении баллистариев в Херсонесе в начале IV в. Согласно этому сообщению, Константин освободил граждан Херсонеса от пошлин на содержание этих войск, а в трех надписях речь идет о строительстве крепостных сооружений в Херсонесе за счет императорской казны³⁰. Необходимо обратить внимание на один аспект этих сведений: даже тогда, когда речь идет о таких насущных и важных делах, действительно имеющих общегосударственное значение, как содержание войска и строительство оборонительных сооружений, если это происходит за счет казны, на это требуется специальное решение императора, об этом сообщается в специальных надписях и это рассматривается местными жителями как особая милость верховной власти. Обычно же постройка крепостных стен и содержание находящегося в городе императорского отряда войск происходили за счет города. Могли ли при таких обстоятельствах, при трудном финансовом положении в Империи Юстиниана I давать огромные суммы на сооружение базилик? Думается, что ответ напрашивается сам собой.

Противоречит себе, на наш взгляд, А.Л. Якобсон и в том, когда относит строительство основных крупных базилик Херсонеса лишь к эпохе Юстиниана. Автор сам приводит данные письменных источников, свидетельствующих о присутствии на I (325 г.) и II (381 г.) Вселенских соборах херсонесского епископа. Наличие в городе самостоятельного епископа, к тому же претендующего на полную независимость от константинопольского патриарха, бесспорно говорит о существовании в городе по крайней мере одной большой церкви и о значительном распространении христианства.

Одним из аргументов в пользу своих соображений А.Л. Якобсон выдвигает то, что еще в VII-XI вв., не говоря уже о VI в., население Херсонеса и его ближайшего окружения оставалось упорными язычниками. Мнение это основано на письмах посланного сюда Папы Мартина и на случайно оброненных замечаниях других авторов. Неясно прежде всего, что А.Л. Якобсон подразумевает под словом „язычники“: приверженцев ли античной религии в ее греческом или римском варианте или же людей, поклоняющихся иным богам, например Перуну. Но вряд ли будет выглядеть серьезным предположение о существовании даже в VI в., не говоря уже о VII и XII вв., римского храма или храма, посвященного Деве. Как утверждает сам автор, Херсонес с IV в. входил в состав Империи и известно немало императорских распоряжений IV-V вв. о ликвидации язычества, прежде всего о запрещении отправления жертвоприношений и церемоний в языческих храмах³¹. Скорее всего, на наш взгляд, упоминание о язычниках древних авторов следует понимать в этическом и моральном смысле, т.е. так, что жители Херсонеса обладали теми чертами, которыми древние авторы наделяли всех неримлян и нехристиан, или же видеть в них сохранение каких-то особенностей быта. Кроме того, следует помнить и изменение этнического состава населения в окружении Херсонеса, и вполне возможно, например, что появившиеся в VII в. в этом районе хазары не были христианами. Безусловно, что вопрос об отношении

к христианству населения Херсонеса и его окрестности – вопрос сложный и его нужно решать только на конкретном материале, тщательно проанализировав все имеющиеся под руками исследователя источники.

Как было показано, все соображения А.Л. Якобсона о том, что большая часть базилик, известных и раскопанных в Херсонесе, построена Юстинианом I ради насильственной византинизации и христианизации жителей города, носят общий характер и не всегда доказаны надлежащим образом, высказаны без учета конкретного материала. Поэтому они вряд ли могут повлиять на те выводы, к которым нас привел анализ группы раннесредневековых херсонесских надписей.

В этой связи нельзя снова не остановиться на проблеме, с постановки которой мы начали эту работу, – проблеме истории Херсонеса конца IV–начала VI в. Этот вопрос требует тщательного изучения во всех своих аспектах: внутреннего положения города, состояния его хозяйства и торговли, отношения с Империей. Изучаемые надписи выявили лишь маленький, но, на наш взгляд, важный штрих из социальной жизни города конца IV–начала VI в. Теперь очередь за другими сторонами этой проблемы.

П р и м е ч а н и я

¹Как показали многолетние раскопки в разных частях города, слоя V–VI вв. практически нигде нет. Встречаются отдельные комплексы, заполненные материалом этого времени: рыбозасолочные цистерны, колодцы, подвалы. Найденный в них материал оказался там в качестве заполнителя, мусора и никак не связан с самими строительными остатками. Работа над основными группами материала этого времени – амфорами, краснолаковой керамикой, стеклом, изделиями из металла – практически только начинается. К V в., и то ко второй его половине, относят пока одно-единственное здание – раннюю базилику на участке „базилика 1935 года“. К середине-второй половине IV в. я отношу вновь найденную „базилику на холме“ (Беляев С.А. Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса. – ВВ, 1979, т. 40, с. 114–126).

²Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 133: „Результаты раскопок красноречиво говорят о том, что в IV–V вв. Херсонес подвергался вражеским нападениям и был сильно разрушен. Особенно выразительны в этом отношении раскопки последних лет (1931–1940) – многие, притом монументальные, здания прекратили свое существование в конце IV или в V в. Когда началось восстановление города в конце V в., а в особенно широком масштабе в VI в., то остатки сооружений предыдущего периода могли быть использованы только в качестве фундаментов, многочисленные же рыбозасолочные цистерны были превращены большей частью в мусорные ямы. Сильному разрушению подверглись также и крепостные стены, о восстановлении которых гласят надписи конца IV в. (IOSPE, I², 449, 450) и надпись в честь императора Зенона“.

³Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964, с. 9–10. „Диким и голодным рисуют Херсон в конце IV в. современники“, – пишет автор (с. 9); Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. М.; Л., 1959, с. 18–20. Автор связывает ухудшение положения Херсонеса с ослаблением в конце IV в. императорской власти в этом городе, с появлением новых этнических образований в регионе и отхлынувшими из Европы гуннами. „Гуннские орды отхлынули на восток и заняли почти всю Тавриду, захватили Боспор и подступили непосредственно к самому Херсону, не имевшему, конечно, сил противостоять гуннам“ (с. 19).

⁴Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес, с. 18–19.

⁵Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России. СПб., 1896.

⁶Там же, № 13–20, с. 26–30, где указана вся предшествующая литература. В нашей статье текст надписей и их описание даются по В.В. Латышеву, за ис-

ключением размеров, которые из вершков переведены в сантиметры. Мы во всех случаях принимаем датировку надписей, предложенную в этом издании.

7 Там же, с. 27.

8 Там же, с. 28.

9 Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 г. (ИАК. СПб., 1904, 9, с. 41).

10 Там же, примеч. 1.

11 Лепер Р.Х. Херсонесские надписи. – ИАК. 1912, 45, № 16, с. 67.

12 Соломоник Э.И. Новые эпитафические памятники Херсонеса, Киев, 1964, № 106, с. 177–178.

13 Латышев В.В. Сборник греческих надписей ..., с. 27.

14 ИАК. 9, с. 41, примеч. 1.

15 Lassus J. Sanctuaries chrétiens de Syrie. Paris, 1947, p. 225. (Institut Français d'Archéologie de Beyruth. Bibliothèque d'archéologique et historique, t. XLII); Jalabert L., Mouterd de R., Mondèsert C. Inscriptions grecques et latines de la Syrie. Paris, 1959, t. V, N 2007.

16 ἡ εὐχὴ имеет несколько значений, в том числе и „обет, обещание“, и „молитва“. Некоторые словари дают только одно значение – votum. Наоборот, в восточной христианской традиции на первый план выступает значение молитвы, например εὐχολόγιον – „молитвослов“. По-видимому, тот или иной смысл, который вкладывается в это слово, зависит от восприятия христианства и его вероучения в целом. Не касаясь глубоких вопросов, отметим, что реальное различие между этими двумя интерпретациями можно свести к следующему: молитва не обязательно предполагает уже исполненное пожелание, она может быть просьбой и мольбой об исполнении чего-то в будущем, обет же предполагает выполнение обещанного, воздаяние, благодарность за уже исполненное. Но для целей нашей работы и эта сторона не имеет существенного значения. Суть дела не меняет то обстоятельство, принесен ли дар (колонна, мозаика храма и т.д.) за уже исполненное благодеяние или же только за просимое.

17 См. примеч. 15.

18 Сохранились билингвы. См., например: Cagnat R. Inscriptions graecae ad res romanum pertinentes. Paris, 1901, № 1207. В этом же сборнике надписей издано и много надписей с этой формулой в основном из Малой Азии, Египта и Сирии.

19 См.: Revue philologique, 1958, 84, p. 48–49; Robert L. Nouvelles inscriptions de Sardes. Paris, 1964, I, p. 38–46.

20 Базилика св. Дмитрия на о. Лесбос: Pelecanidis St. Corpus mosaicorum christianorum vetustiorum pavimentorum graecorum. I: Graecia insularis. Thessalonicae, 1974, Tbl. 114, p. 134 (на греч. яз.).

21 Euseb. Vita Constant. III, 43. О базилике Петра, построенной Константином, см.: Diehl E. Inscriptiones Latinae Christianae veteres. Berolini, 1925, vol. I, N 1752.

22 Diehl E. Inscriptiones ..., N 1779 – Theodosius pater Eudoxia cum conjugue votum cumque suo supplex Eudoxia nomine solvit; № 1775 – церковь Иерусалимского креста в Риме Валентиниана, Гонория и Пластидия votum solverunt.

23 Diehl E. Inscriptiones ..., N 1776 – Proclinus et Ursus presbyteri tituli byzantini Sancto martyri Sebastiano ex voto fecerunt.

24 Надписи на латинском языке, свидетельствующие о таком строительстве, собраны Е. Дилем: Diehl E. *Inscriptiones ...*, № 1752-1979. Надписи на греческом языке частично приведены в цитированных работах Ж. Лассюса и Л. Робера, где указана вся остальная литература.

25 Diehl E. *Inscriptiones ...*, № 1803, префект претория Рима, 453 г.

26 Насколько мне известно, вопрос об организации строительства христианских культовых зданий в ранневизантийское время специально рассмотрен только в работе Ж. Лассюса (Lassus J. *Sanctuaries chrétiens de Syrie*, ch. V, p. 244-263). Автор отмечает, анализируя письменные, в основном эпиграфические, источники, что императоры, другие официальные лица крайне редко упоминаются в надписях, редко упоминаются и духовные лица высокого сана. Императоры упоминаются всего два-три раза и то в тех случаях, когда по какой-то причине потребовалась их санкция на постройку или в качестве эпонимов. То же относится и к представителям церковной иерархии. Автор отмечает, что возможны следующие схемы: „1) Епископ решает построить церковь и делает это или за церковные средства, или на свои личные; 2) епископ решает построить церковь и ищет донаторов (жертвователей), и надписи называют их имена; 3) богатый донатор (жертвователь) часто ради спасения (души) берет на себя инициативу построить церковь или мартирон. Роль епископа сводится к выдаче санкции на проект и, возможно, к контролю за его осуществлением. Первый случай – самый редкий; второй – самый частый, в особенности в городах и в том, что касается улучшения и обновления уже существующих зданий” (с. 254). Херсонесский материал не дает такой полноты сведений хотя бы потому, что надписи сохранились фрагментарно. Но общность формулы указывает на то, что и в Херсонесе дело обстояло таким же образом.

27 Ж. Лассюс, посвятивший специальный раздел своей книги организации строительства церквей в Сирии, выделяет такие типы формул надписей, которые, по его мнению, передают различную степень участия упомянутых в надписи лиц в строительстве базилик: $\dot{\upsilon} \pi \acute{o}$ – после глагола в пассивной форме – может обозначать имя донатора и архитектора; $\acute{\epsilon} \pi \acute{\iota}$ – имя высокого чиновника или епископа; $\delta \acute{\iota} \alpha$ – предшествует имени архитектора; $\acute{\epsilon} \kappa \text{ } \rho \rho \omicron \sigma \phi \omicron \rho \acute{\alpha} \varsigma \text{ } \dot{\upsilon} \pi \acute{\epsilon} \rho$ означает донатора; $\dot{\upsilon} \pi \acute{\epsilon} \rho \sigma \omicron \tau \eta \rho \acute{\iota} \alpha \varsigma$ – означает имя, в память которого донатор сделал памятник (с. 250).

28 Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес, с. 29.

29 Там же, с. 30.

30 Латышев В.В. *IOSPE*, I², 499, 450; Латышев В.В. Сборник греческих надписей ..., № 7 – надпись в честь императора Зенона. Сообщение Константина Багрянородного находится в гл. 53 его сочинения „Об управлении государством”. Одно из последних толкований этого места дал Я. Харматта. См.: Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора. – В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 204-208.

31 СTh X, 1, 8 – закон Валентиниана о запрещении тайных жертвоприношений; СTh IX, 16, 9 – закон Феодосия II, запрещающий язычникам занимать общественные должности; СTh XVI, 10, 7 – закон Феодосия I, запрещающий жертвоприношения, совершаемые ради узнавания будущего (381 г.); СTh XVI, 10, 9 – то же, но с более жесткими мерами наказания (385 г.); СTh XVI, 10, 10 – закон Валентиниана II, запрещающий входить в храмы, поклоняться статуям и приносить вообще всякие жертвы (391 г.). Этот закон в следующем году был еще более расширен Феодосием I: его действие было распространено на все, без исключения, районы Империи. По этому закону запрещалось вообще всякие религиозные языческие церемонии, возжигание свечильников и воскурение фимиама, украшение деревьев, изготовление алтарей из дерна. „Он [закон] входит к частным лицам, проникает к домашнему очагу, который римляне считали священным, и запрещает зажигать огонь в честь ларов, сжигать первые плоды в честь

пенатов, делать возлияние в честь гениев: «Всякий дом, где воскурят фимиам, поступит в фиск». Нет ничему пощады: осуждение полное, старому язычеству остается только умереть». Здесь приведены лишь ссылки на законы конца IV-начала V в. и не упомянуты законы первой половины IV в., ибо часть из них была при Юлиане отменена и потом снова восстановлена.

S. A. Beljaev

FROM THE HISTORY OF THE SOCIAL LIFE
OF CHERSONES OF IV-VI CENTURIES

The author analyses some groups of the early Christian inscriptions, which have been discovered in Chersones at different times, mainly in basilicas. Two signs unite all this inscriptions: 1) they are ingraved on the details of interior of the basilicas; 2) there is the formula $\upsilon\pi\epsilon\rho\epsilon\upsilon\chi\eta\varsigma$ at the beginning of all inscriptions. The inscriptions with such formula spread widely in Mediterranean region, and author adduces some analogies from Syria, Asia Minor and so on. The author interprets such inscriptions as votive, and the objects on which have been engraved as a gift of certain person or the groups of persons to the church for prayerful memory sake.

These inscriptions prove that the basilicas of Chersones, as well as the majority of the Christian churches in all regions of Byzantine Empire, were built or by community, or by group of persons, or by individual.
